

Чечумов.А.А

Шнурки наружу

Александр Александрович Чечитов

Шнурки наружу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28754645

SelfPub; 2018

Аннотация

Что такое любовь? Сколько бед может выпасть на долю одного человека? Макар к своим двадцати девяти годам считал, что знает ответы, и находил себя вполне счастливым. Открывшиеся однажды семейные тайны, скрытые за внешним благополучием, заставляют его сердце содрогнуться.

Желтые, шарообразные светлячки в металлическом обрамлении, обгоняя один другой, пролетали мимо. Шипя и толкаясь, щедро изрыгали выхлопные газы на перекрестках. Частая, черная картечь брызг, вылетая из-под колес, обильно усеяла мягкую ткань брюк дорогого покроя. Набухшие красные глаза застлал непроницаемый туман. Скулы затвердели, нижняя губа, чуть подавшись вперед, задрожала.

Кожаный портфель коричневого цвета с золотистым орлом в центре и филигранной оправой по краям, несколько потрепанный временем, напрягся под тяжестью документов. Утомленно поскрипывая в крепкой руке, промок. Вода, окутав стеклянной паутиной, стекала по шершавой поверхности, вползая в мелкие прожжённые отверстия в боках.

Макар берег эту вещицу, оставшуюся после отца.

Сильный, уверенный-он всегда представлялся нерушимой, надежной опорой для жены и сына. Неизменно гладко выбритый, опрятный, в своих размерах больше походил на древнерусского богатыря. После пребывания в очередной командировке, обычно ураганом врывается в квартиру с задорной, доброй улыбкой на губах. Подбрасывал к высокому потолку взъерошенного, сына словно пушинку, а малыш в ответ беззаботно смеялся.

Начальник крупного отдела, в деловом темно синем костюме, с легким рисунком дорогих духов, как правило, отодвигал все дела. Просьбы сослуживцев и подчинённых не существовали. Он стремился скорее к семейному очагу, закру-

жить в могучих объятиях ненаглядную супругу и сына, неся за собой ароматы других стран. Казалось, сначала приезжал немножко иной, но через пару дней все уже было как раньше.

Папа рассказывал про неведомые, загадочные города, что скрываются в сырых горных лесах южной Америки. Об ужасных обычаях в далекой, жаркой Африке. Говорил про слонов Индии и таинственных путешественников. Эти истории, подкрепляемые безграничным любопытством крепыша Макара, дарили особенное наслаждение вечерним семейным беседам.

Бывали и мощные шторма в отношениях родителей. С истериками и руганью. Тогда в хозяйстве становилось меньше на пару керамических тарелок. Со звоном рассыпались они, столкнувшись с бетонными стенами или полом. Мама три дня могла дуться, на сказанные сгоряча мужем слова. Когда в плотном графике отца появлялась случайная брешь, он приезжал пораньше. Схватив охапку цветов с новой игрушкой, шел на мировую. Расточая фонтаном комплименты, нежно разрушал преграду, выстроенную из обид и огорчений. В семье наступал долгожданный мир.

Следующим утром мама стройная домохозяйка, вновь провожала обожающим взглядом, стоя на пороге их служебной квартиры. Разогрев завтрак, с благодатной улыбкой, шла будить сынишку кудрявого первоклассника.

В один из вечеров изредка поглядывая в окно усыпанное звездами, Макар воевал с цифрами в школьных тетрадях.

Тяжелый сигнал звонка неожиданно пронзил тишину теплой, большой квартиры.

– Открой сынок! – Крикнула мама из кухни.

Макар не спрашивая, кто снаружи, широко распахнул дверь.

Тусклая лампочка лестничной площадки слабо осветила элегантный костюм знакомого цвета. На секунду Макару показалось, что перед ним отец.

– Здравствуй Макарушка. – Запнувшись, произнес гость.

– Здравствуйте. – А папы дома нет.

Дядя Андрей друг и подчиненный отца, среднего роста мужчина тридцати восьми лет, протяжно вздохнул. Поправил галстук. Побледнел. Как правило, осанистый, горделивый чаще всего насмешливый человек, сторбился. Нервно потирая пылающий на щеке свежий розовый шрам, что-то бормотал.

Не удержавшись по его щекам, потекли первые предвестники беды.

Клац! Щелкнул о пол, выпавший из его дрожащих рук папин портфель. Присев на корточки, коряво сжал в объятиях. Повторяя надломленным голосом.

– Извини Макарушка, прости дорогой!

Мама выскочила в узкий коридор, наспех поправляя испачканный фартук запудренными мукой руками. Резко остановившись, бросила растерянный, вопрошающий взгляд на гостя.

В свои тридцать пять она еще сохранила свежесть кожи, а русые волосы блестели здоровьем. В эту пору на улице мужчины по-прежнему крутили шеей вслед. Желая запомнить стройный, завораживающий стан, обворожительную улыбку.

Раньше, в студенческие годы однокурсники устраивали кулачные дуэли, надеясь, удостоится взгляда девушки из интеллигентной семьи. Но, по словам самой мамы, чувство юмора, горячее, искрометное умноженное на упорство, порой граничащее с наглостью, завоевали ее сердце в лице папы. Он устраивал романтические свидания. Забирался к третьему этажу по дереву, росшему у дома, чтобы передать охапку душистых роз. Предметом гордости и одновременно веселья были воспоминания о серенаде под окнами. Когда главный герой события от волнения забыл заученный текст на итальянском языке. Не растерялся и допел на русском.

Он ласково называл ее Леточка, от имени Виолетта. Выполняя маленькие женские прихоти.

– Мишенька шубку хочу! – Ворковала жена, мило обнажая жемчужные зубки. К следующему полудню мех привозил шофер Михаила Владленовича, пока сам глава отдела решал важные вопросы.

Собранные в плотную косу волосы, открыли покрывшийся легкой испариной высокий лоб. Грудь, сдавливаемая страхом, заработала быстрее, пытаясь поймать больше воздуха. Агатовые точки в круглой, рубиновой оправе расширились и застыли. Ресницы затрепетали точно встревоженные бабоч-

ки на летнем, цветочном поле.

Разорванные на слова нахлынувшей бурей чувств, фразы слабо доносились до сознания двух сраженных горем людей.

Макар мальчик восьми лет лишь одно наверняка понял, папы больше нет. Держась за стену непослушными ручками, заковылял в комнату. Зарыдав, сполз на пол.

Обстоятельства не имели ни малейшего значения, но все же хотелось верить, что это ошибка. – Взрослые что-то напутали, так не бывает!

Кажется совсем недавно, накинув широкие, зеленые панамы они вдвоем сидели у речки. Болтали о всяких забавных случаях. Изнемогая под июльским раскаленным небом, вытаскивали пойманную рыбу. В тот раз попалась крупная щука, а Макарка все переживал, что зубастая цапнет, над чем позже хохотали втроем. Кушали вечером сытную уху, приготовленную мамой в котелке на костре у палатки, и пели смешные песенки под гитару.

Родные, ласковые руки тогда размазывали по обожженным спинам двух отважных рыбаков крем, и становилось немножко полегче.

Сейчас на кухне мама сидела молча, оглушенная взрывом чувств. Первых предложений вполне хватило. Вскоре напряженная, вибрирующая пустота, родившись глубоко внутри, вырвалась в наружу. Сметая на своем пути подвернувшуюся посуду, вазы, зеркало в дребезги, не зная усталости, мама неистовствовала. Дядя Андрей хотел удержать, но первая

попытка не удалась. Животная энергия появляющаяся в человеке в критический момент проснулась. Собрав все силы, напрягая до предела мышцы, он во второй раз сжал железной хваткой разгоряченную, бушующую женщину. Она выла и плакала, царапалась. Перепуганные соседи вызвали милицию, после утомительных уговоров поле боя затихло.

Дядя Андрей остался в тот вечер, побоявшись, как бы чего не вышло. Достав из холодильника бутылку столичной, наливал в крохотную рюмку, стоящую на усеянном осколками столе очередную порцию.

Душную спальню накрыла липкая тишина, заполняя все укромные уголки комнаты. Уставившись в белоснежный потолок, мама распласталась на высокой, бархатной кровати. Превратившись в тягучую, восковую фигуру застыла. Маленький Макар лежал напротив, тихо поглаживая ее волосы. В его сердце появилась гигантская пропасть, бесповоротно отделившая настоящее, от прежнего счастливого времени.

Осенняя, частая морось рассыпалась по округе, намочив холодные, покосившиеся местами деревянные кресты и мраморные памятники. Хлюпающая раздавленная под ногами земля, упорно заползала на обувь. Процессия длинной вереницей растянулась среди узких могильных улочек. Поддерживаемая сыном, укутавшись в угольно темную одежду опустив взгляд к тропинке, брела Виолетта. Позади скорбно плелся дядя Андрей.

Оступившись на скользкой ложбинке, один из четверых

мужчин несших гроб, перевалился через ограду, потянув за собой и остальных. Уронили. Ударившись о гранит, ящик хрустнул, с шумом выбросив свою ношу. Оцепенев от ужаса, люди на мгновение замерли. На месте затылка покойного оказалась зияющая алого цвета дыра.

Глаза больно защипало от капающих слез сына. Его первым склонившегося низко к ее лицу увидела Виолетта, придя в себя после обморока.

Дядя Андрей организовал поминки. Справил документы. Изредка приезжая помогал по дому.

Два года спустя, папин приятель уже перестал уходить по вечерам. Мама обняв, теперь провожала на работу его. Вскоре они поженились. Немного подросший мальчик, видя эту сцену негодовал. Петля из обидных размышлений, все туже сдавливала горло.

– Ты придала папу! – Напрягая до судороги связки, орал Макар, когда оставались вдвоем. Заламывая руки от возмущения, плакал.

В такие минуты Виолетта и сама приходила в глубокое уныние. Слова жгли расплавленным железом под ребрами, но тепло родившееся к Андрею уже успело набрать силу. Мелкие и крупные подарки льстили ее самолюбию. Теперь он занимал важный пост, был предельно галантен и внимателен. Ему доставляло огромное удовольствие, угождать Виолетте. И она всецело отдалась власти пламенных чувств.

Отношения Макара с дядей Андреем были похожи на пе-

ремирие, но оставались прохладными. Многочисленные попытки сближения со стороны последнего не приносили результата. Проходили месяцы.

Макар, напялив широкую, бесформенную одежду уходил все чаще, блуждая порой до утра. Шатался по серым улицам и заброшенным стройкам.

Частые пропажи золотых украшений, техники, денег возвестили о новой, грозной беде закравшейся в дом.

Однажды зайдя к сыну в комнату на рассвете, когда он еще спал, Виолетта увидела дробь синеющих точек. Следы укулов на внутренних сгибах локтей, испугали.

– И как только я раньше не заметила?! – Упав, запричитало сердце женщины.

Поговорить не вышло. В ответ на мягкие капли, сорвавшиеся с ресниц на кремовую простынь, мама получила лишь суровый, ледяной взгляд подростка.

– Ненавижу вас обоих! – Прохрипел Макар. Громко хлопнув стальной дверью, накинул капюшон, поплелся по лестнице.

Андрей и Виолетта искали Макара. Иногда находить удавалось довольно быстро. Напряжение росло и становилось все сложнее вытягивать его из смрадных, грязных берлог.

Два года борьбы подточили надежду на благополучный исход. Вначале проблема была похожа на снежный ком, попавший случайно за шиворот. Ныне разрослась до величины лавины сорвавшейся неудержимой мощью с горного кряжа

на головы трех родных людей. Прежние знакомые, встречая на улице, скорее отворачивали взор от пожелтевшего, угрюмого лица со впалыми, темными глазами.

– Такой хороший мальчик был! – Завидев, перешептывались бабушки у подъезда.

– Долго не протянет. – Судачили одноклассники. Макара захватило непреодолимое, ядовитое желание. Алкоголь перестал цеплять, размякшая воля требовала новую порцию дурмана. Мышцы крутило и сил хватало только набрать шприц. Думать о мнении других не хотелось.

Отчим продал вторую квартиру, чтобы рассчитаться, когда местные бандиты прижали Макара за долги. Но и это не остановило.

– Помоги дядя Андрей! – В очередной раз позвал слабый, знакомый голос в трубке телефона.

Желтые, затертые обои притона, с редкой переломанной мебелью в комнатах хранили много тайн. Гнилое, кирпичное болото, поймало еще одну жертву в капкан.

Острая ломота растеклась по истощенному, съезжившемуся телу. Губы потрескавшись, побелели. В свои шестнадцать лет Макар скорее походил на замученного голодом узника концлагеря. В животе с нарастающей мощью пульсировали сжимающие органы спазмы. Правая рука, прикованная к батарее, приобрела синеватый оттенок. Онемела. Да так что нельзя было пошевелить пальцами. Кровь, смешанная с химией, превратилась в клей, мало поступаая к легким. При-

помнить, как оказался здесь, не удавалось.

На поверхность сознания начали неспешно всплывать одна за другой черно белые картинки.

Макару пять, они бегут с папой в парке по нагретой солнышком траве, он заливается смехом. Слева стремительно прощуршав по земле, с ног сбивает мохнатый белый бок. Кувыркнувшись, малыш приземлился в ямку. Это чужая собака, приняла все за игру. Начала резвиться. Обнюхав, облизнула детское личико. Папа скоро успокоил плачущего сынишку, но страх к четвероногим остался надолго.

Вспомнился и дядя Андрей.

– Удивительно как сильно его за прошедшие года любила мама. Ведь и к Макару относился как к сыну, вытягивая из трясины. Старался ни сколько не жалея времени и сил.

– Плевать! – Я не просил и ничего не должен ему. Заключение про себя раздраженно Макар.

Мокрые глаза мамы, криком и мольбой пытающейся образумить. – Жаль! – Ее волос уже коснулась снежная белизна седины.

Шум громких голосов растормошил притупленное внимание. В захудалую комнату через узкое окошко пробивался блеклый свет улицы. Открывшись со скрипом, синяя помятая дверь остановилась, встретив на пути обмякшие ноги Макара.

Зашли двое щетинистых типов, похожие на пластмассовые, неуклюжие карикатуры людей. Держа в руках железные

пруды, указали на него третьему задержавшемуся на пороге.

– Вот твой щенок, видишь, не сдох еще! – Давай деньги.

Оскалившись, процедил лысый тип со шрамом на губе.

– Как ты Макарушка? – Спросил дядя Андрей, протягивая пачку.

Увядающий, помутневший взгляд был единственным ответом.

Посчитав, меньший ростом ухмыльнулся. Помедлив, протянул ключи.

Тррр. Не громко щелкнув, наручники раскрылись. В следующий момент на голову освободителя градом посыпались пинки. Оттолкнув в сторону Андрея, они вдвоем принялись за Макара.

Боль уже почти не чувствовалась.

– Всем будет лучше, если меня не станет! – Скорее бы закончилось. – Закрутились в голове медленно навязчивые мысли.

Дышать стало тяжелее. Что-то большое и мягкое заползло на Макара. Удары барабанным ритмом звучали над ним, не доходя до цели.

Андрей сжимал изо всех сил. Ребра хрустнули. Голова загудела, будто в нее забралась огромная, гудящая пчела. Рассечённая кожа над ухом зашипела, заливая лицо теплыми, бордовыми струйками.

– Держись, повторял он сам себе. – Терпи! Вскоре тихо выдохнув, совсем ослабел. Свалился в глухую, темную без-

дну.

Слипшиеся, затекшие веки не сразу поддались. Разбитый организм запротестовал, не слушая приказы мозга.

– Дядя Андрей! – Беспомощно заскулил Макар. Разглядывая в полутьме недвижимое лицо напротив.

Вяжущий, острый запах лекарств ударил в нос. Вена пробитая иглой заныла, но это был уже не наркотик. Очнувшись в больничной палате, Макар смотрел на маму. Прижав ладонь сына своей она уснула, облокотившись на казенную тумбу.

Легкая улыбка скользнула по его губам, но тут же внутри зашумели волны тревоги.

– Мама! Что с дядей Андреем? – Прошептал Макар.

Проснувшись, она зарыдала. Обнимая и целуя побледневшего сына, успокоила, объяснив, что все хорошо.

Макар узнал, что в полузабытье полз три часа до соседней улицы, пока на него не натолкнулись прохожие. Он преодолел разбитую дорогу, отходящую от заброшенной пятиэтажки и пару рядов одинаковых гаражей. Сначала мимо проследовала молодая компания парней и девушек. Мельком глянув в его сторону, махнули рукой. Затем, пошатываясь, рядом прошел средних лет мужчина. Не сразу сообразив, вскоре вернулся. Именно он привел помощь.

Грудь заполнил теплый воздух, сердце затрепетало в радостной надежде.

Спустя полтора месяца дядя Андрей с сыном были уже

дома.

Макару стукнуло девятнадцать, он возмужал и окреп. Вылепил из тела в зале за три года спортивную форму, изменившись и внутри. Стал увереннее. Наркотики затерялись в ворохе минувших дней.

Часто сплевывая на асфальт, Макар сердился на себя, надеясь все же отвыкнуть от навязчивой привычки. Так он делал еще в дни героиновой дремы.

Загородные пикники, походы на концерты стали доброй традицией.

– Какие вы у меня молодцы! – Радовалась мама, когда мужчины дружно справлялись с семейной работой на даче.

Макар учился на втором курсе университета, когда заговорил с мамой о желании жениться.

Однокурсницы давно с восхищением украдкой поглядывали на статного, умного юношу.

А он, выбрал тихую, скромную девчущку, приехавшую из деревни, покорять необъятную Москву.

– Мышь серая. – И что он только в ней нашел?! Перешептывались подружки, глотая завистливую, горькую слюну. Наблюдая, как Макар с Полиной, робко скрестив пальцы рук, уходят после занятий. Через год отметили пышную свадьбу. По окончании учебы Дядя Андрей устроил к себе. Макар был счастлив, молодая, красивая жена, перспективная должность, жизнь представлялась чарующим сном.

Свежие, весенние лучи заиграли на капоте ставшей у

подъезда машины. Макар приехал праздновать свой двадцать девятый год рождения с Полиной в квартиру родителей. Стол, уставленный лакомствами, с трудом умещал прибывших гостей. Во время поздравления дядя Андрей часто закашлял, не удержавшись, накренился. Упал.

Диагноз врачей заставил подогнуться колени Виолетты и сына.

– Опухоль головного мозга! – Через неделю подтвердил главврач.

Шесть коротких месяцев отмеряли эскулапы, но ошиблись. Спустя половину срока началось стремительное ухудшение здоровья. Метастазы разъедали тлеющий организм. Лекарства не помогли. По дороге в больницу Макар вспомнил, услышанный в детстве от папы рассказ о песочном пауке.

Коварное поведение болезни чем-то походило на действие его яда. – Шестиглазый, хитрый обитатель сухих прерий южной Африки, под усердным надзором эволюции стал совершенным охотником. Отдаленно смахивая на краба, он обладает молниеносной скоростью. Зарываясь в песок передними лапками, подстерегает добычу. Чувствуя над собой на поверхности даже самые слабые вибрации крохотных песчинок. Гений терпения. Только подумать такое ничтожно маленькое существо, способно почти год жить без еды. Одно мгновение, единственная атака и смертельное вещество буквально разрывает внутренности жертвы. Не оставляя не еди-

ного шанса выжить.

Макар появился в палате после работы, отправив маму, домой отдохнуть. Позвонил Полине, предупредив, что останется дежурить до следующего дня. В полночь больного начали сотрясать непрерывающиеся, затяжные конвульсии.

– Помогите! Стонал Макар. – Притянув в объятия трепещущее тело.

– Прости Макарушка! – Выплевывая кровь, чуть слышно выговорил дядя Андрей.

Слезы стали комом в горле.

Угасающий взор родного человека обратился в пустоту.

Через час, погрузив на каталку, его увезли в морг. Сидя на больничной лавке, Макар вспоминал былое. Маме с женой он решил не звонить до утра.

Мягкая ладонь едва коснулась плеча. Подошедший врач протянул запечатанный, бежевый конверт.

– Дорогой Макарушка! Побежали ровные, синие строчки по белому листу.

– Я безмерно виноват перед вами! – Надеюсь, это письмо окажется в твоих руках. Не имея храбрости рассказать раньше, попытаюсь сделать это на бумаге.

В пору студенческой юности я был, как и остальные ребята полон надежд и амбиций. Мечтал. Учась на четвертом, познакомился с первокурсницей в нашем институте. Если сердце могло выпрыгнуть, ни за что не удержал бы, так она была хороша.

– Совершенство! – Восхищался мой друг, глядя на нее, сказав как-то в шутку, что отобьет у меня, сей цветочек. Но благосклонность природы оказалась на моей стороне. Мы гуляли в скверах. Она смеялась, подбрасывая над нами охапки желтых, осенних листов. Мчались на каруселях, кушая ледяное мороженное. Всюду ее сопровождал неиссякаемый заряд радости. Хотелось, что бы часы всего мира остановились, подарив нам навсегда, друг друга.

– Увы! – Жизнь имеет свой взгляд на порядок вещей и скоро это стало очевидно.

– Моя сопливая ревность с заносчивостью, наверное, тоже сыграли свою роль. После следующей крупной ссоры мы расстались. – Знаешь, Макарушка в то время это казалось мелочью, пустяком.

– Таких экземпляров сотни. – Рассуждал я ребячливо первое время. – Досадно, что понимание идет рука об руку с потерей.

– Говорят лучшие встречи, те, что происходят спонтанно. – У меня так не вышло. Стоя в очереди магазина, случайно разглядел друга стоявшего у кассы, державшего руку той самой изумительной девушки. Они не заметили меня.

– Предатели! – Вопило, возмущенное нутро. Раскаленной, кипящей лавой обжигала нервы уязвленная гордость. Такова склонность молодости преувеличивать до крайности волнующие душу обстоятельства.

Шло время, и обида немного притупилась. Товарищ ино-

гда пытался объяснить, но я старался обойти этот вопрос.

Он родился в самой простой семье советских рабочих. Окончив с красным дипломом престижный вуз, устроился в крупную государственную организацию. Упорно трудясь, добивался продвижения по службе.

– Будем жить лучше! – Любил он повторять.

Стараясь быть выше и сильнее своего места, отдавался любимому делу без остатка. Дальше утвердившись, предложил место рядом с собой. Завертелись стремительные, напряженные трудовые недели.

Позже в семейном гнезде молодых, появился очаровательный карапуз под именем Макар.

– Дружба наша с твоим рождением приобрела родственный окрас. – Я стал чаще бывать у вас в гостях. Затем нас регулярно начали отправлять в командировки. Отца ты видел редко, меня и подавно.

– Вот как все было Макарушка.

Знойное марево пропитало воздух. Над густыми, зелеными джунглями одной из стран южной Америки двигатель нашего легко мотора отказал.

Гррр! Зарычал дымящий пропеллер. Икнув летательный аппарат, рванул в сторону земли. Со скрежетом рухнул на лесистый холм. Фюзеляж машины разбился, крылья повисли на ветвях в стороне.

– Я очнулся, когда твой отец волочил меня по тропическим, отсырелым корягам. Подальше от горящих остатков

самолета. Судьба сыграла отвратительную шутку с пилотом. Ударившись о панель, парень оставался в сознании. Только вот ноги пережало смятым, искорёженным корпусом. Огненный хлопок все закончил. Парень встретил свой конец в том железном факеле, обратившись в пепельную пыль.

Так начались кошмарные дни скитаний, во влажном, тропическом хаосе. Всюду жужжали тысячи комаров. Облепляли с головы до ног кружащие тучи мошек. Клещи, заползая под рубашку, остервенело вонзали свои миниатюрные челюсти в кожу. У самых ног извивались холодные, разноцветные гады. С верхушек деревьев оглушительно визжали стаи обезьян. Животные звуки, наполняя ночь, не давали уснуть. После трех дней плутания мы вышли к могучим скалистым кряжам. На вершине высотой примерно с шесть этажей, почти над самым обрывом нависло деревянное строение. Надо ли говорить, как ликовали в надежде на спасение наши изможденные души. Ногти отламывались, из за карабканья по крутой, неровной стене. Причиняя нестерпимую муку стертые в кровь пальцы не слушались. Одежда пропиталась вязким, терпким запахом пота.

Действительность преподнесла неприятный сюрприз! Залитая тропическим солнцем, покосившаяся хижина скучала здесь в одиночестве. Примерно через пятьдесят метров от задней стены начинались те же непролазные дебри. Войдя внутрь, мы нашли запас чуть горьковатых сухарей! В нашем положении не приходилось выбирать. Запечатанные в стек-

лянных банках, они оказались вполне сносного вкуса. За-
ржавелое старое ружье одиноко стояло в углу, покрывшись
густым слоем пыли. В грубо сколоченном ящике спрята-
лись две стеклянные бутылки, наполненные розовой жид-
костью. Я попробовал. Язык защипало под действием за-
бродившего напитка, приготовленного видимо из каких-то
местных фруктов.

Мы пили, закусывая ветхой, хлебной трухой. Уставшему,
измученному путнику много не надо.

– К вечеру уже с трудом удерживаясь на ногах, твой отец
вышел из худой хибары. Следом и я.

В тот день, стоя над пропастью, проявился мой настоящий
облик.

Злоба бурлила, оголяя разбуженные алкоголем прежние
обиды. Прищурился. Ненависть, расплзаясь по конечно-
стям, свела пальцы в кулак.

– Сволочь, ты украл мою жизнь! – Ворчал я заплетающим-
ся, неповоротливым языком.

Миша пытался успокоить, завести в хижину. Гнев тряс
меня, резче осеннего ветра срывающего последний листок
с дерева. Злой, пьяный язык ненависти похож на животное,
попавшее в капкан. Не размышляя о последствиях, испыты-
вает все возможные средства, что бы вырваться наружу. Ис-
черпав ругательства, навалился всем корпусом, завязалась
короткая борьба. Оттолкнув его что было сил, я остался на-
верху.

Пуф! Донесся слабый звук, от куда-то снизу.

Выбравшись через два дня к близлежащей деревушке, мне посчастливилось найти помощь. Не имея мужества признаться, представил произошедшее событие как несчастный случай.

– Позже при расследовании причины крушения, возле остатков самолета был найден портфель твоего отца. Его передали мне и это единственное что я смог привезти оттуда.

Совість точно древесный червь поела сердце годами, не давая забыть о совершенной мной подлости. Я упорно молчал, чувство страха, жажда тепла и любви имели надо мной всеобъемлющую, непреодолимую власть.

– Жизнь обмануть нельзя. Она не позволяет делать с собой таких шуток, наказывая за дерзость наглецов.

Думаю, меня она просто проглядела. По ошибке естественно. Спohватившись только недавно, выдала заслуженную кару целиком. – Сейчас, кажется, столько не успел, не додал вам.

– Эх, Макарушка, к сожалению прошлого не вернуть.

– Я безмерно благодарен судьбе за минуты, проведенные с вами. – Береги маму!

Макар смял письмо.

Оставив машину у больницы, взял такси. Не доехав пары сотен метров до дома, попросил притормозить автомобиль. Опустив отяжелевшую голову, молча поплелся в знакомом направлении. По асфальту заколотил частый, круп-

ный дождь.

– Как жить с этой правдой? – Что сказать маме? – Во рту пересохло. Мысли точно облитые смолой, загустели.

Ввалился в квартиру. Не сняв ботинок, растягивая за собой мокрые следы, устало побрел на кухню. В реальность вернули мелодичные звуки. Неспешно влетающие в коридор, они точно тополиный пух кружили под потолком.

– Странно, три утра и музыка играет! – Подумал Макар, бросив взгляд на ручные часы.

На пути к спальне тут и там беспорядочно валялось белье Полины. Наступив на ее ажурные трусики, Макар прислонился ухом к белому, матовому стеклу. За высокой, деревянной дверью слившись в единое, звучал томный ритм мужского и женского дыхания.